

Князь Данила-Говорила

114[1]

Жила-была старушка-княгиня; у неё росли сын да дочь — такие дородные, такие хорошие. Не по нутру они были злой ведьме: «как бы их извести да до худа довести?» — думала она и придумала; скинулась такой лисой, пришла к их матери и говорит:

— Кумушка-голубушка! Вот тебе перстенёк, надень его на пальчик твоему сынку, с ним будет он и богат и тороват, только бы не снимал и женился на той девице, которой моё колечко будет по ручке!

Старушка поверила, обрадовалась и, умирая, наказала сыну взять за себя жену, которой перстень годится.

Время идёт, а сынок растёт. Вырос и стал искать невесту; понравится одна, приглянется другая, а колечко померяют — или мало, или велико; ни той, ни другой не годится. Ездил-ездил и по селам и по городам, всех красных девушек перебрал, а суженой себе не сыскал; приехал домой и задумался.

— О чём ты, братец, кручинишься? — спрашивает его сестра.

Открыл он ей своё бездолье, рассказал своё горе.

— Что ж это за мудрёный перстенёк? — говорит сестра. — Дай я померяю.

Вздела на пальчик — колечко обвилось, засияло, пришлось по руке, как для ней нарочно вылито.

— Ах, сестра, ты моя суженая, ты мне будешь жена!

— Что ты, брат! Вспомни бога, вспомни грех, женятся ль на сёстрах?

Но брат не слушал, плясал от радости и велел собираться к венцу. Залилась она горькими слезами, вышла из светлицы, села на пороге и река-рекой льётся!

Идут мимо старушки прохожие; зазвала их накормить-напоить. Спрашивают они: что ей за печаль, что за горе? Нечего было таить; рассказала им все.

— Ну, не плачь же ты, не горюй, а послушайся нас: сделай четыре куколки, рассадь по четырём углам; станет брат звать под венец — иди, станет звать в светлицу — не торопись. Надейся на бога, прощай.

Старушки ушли. Брат с сестрой обвенчался, пошёл в светлицу и говорит:

— Сестра Катерина, иди на перины!

Она отвечает:

— Сейчас, братец, серёжки сниму.

А куколки в четырёх углах закуковали:

Куку, князь Данила!

Куку, Говорила!

Куку, сестру свою,

Куку, за себя берёт.

Куку, расступись, земля,

Куку, провались, сестра!

Земля стала расступаться, сестра проваливаться. Брат кричит:

— Сестра Катерина, иди на перины!

— Сейчас, братец, поясок развяжу.

Куколки кукуют:

Куку, князь Данила!

Куку, Говорила!

Куку, сестру свою,

Куку, за себя берёт.

Куку, расступись, земля.

Куку, провались, сестра!

Уже остаётся одна голова видна. Брат опять зовёт:

— Сестра Катерина, иди на перины!

— Сейчас, братец, башмачки сниму.

Куколки кукуют, и скрылась она под землёй.

Брат зовёт ещё, зовёт громче — нету! Рассердился, прибежал, хлопнул в двери — двери слетели, глянул на все стороны — сестры как не бывало; а в углах сидят одни куклы да знай себе кукуют:

— Расступись, земля, провались, сестра!

Схватил он топор, порубил им головы и побросал в печь.

А сестра шла-шла под землёю, видит: стоит избушка на курьих ножках, стоит-перевёртывается.

— Избушка, избушка! Стань ты по-старому, к лесу задом, ко мне передом.

Избушка стала, двери отворились. В избушке сидит девица красная, вышивает ширинку серебром и золотом. Встрела гостью ласково, вздохнула и говорит:

— Душечка, сеструшечка! Рада я тебе сердечно и привечу тебя и приголублю, пока матери нет; а прилетит, тогда беда и тебе и мне; она у меня ведьма!

Испугалась гостя таких речей, а деваться некуда, села с хозяйкой за ширинку; шьют да разговаривают. Долго ли, коротко ли, хозяйка знала время, знала, когда мать прилетит, обратила гостью в иголочку, заложила в веничек, поставила в уголок. Только она её прибрала, ведьма шашь в двери:

— Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая! Русь-кость пахнет!

— Матушка-сударыня! Шли прохожие да зашли водицы напиться.

— Что ж ты их не оставила?

— Стары, родимая, не по твоим зубам.

— Вперёд гляди — на двор всех зазывай, со двора никого не пускай; а я, поднявши лытки, пойду опять на раздобытки.

Ушла; девушки сели за ширинку, шили, говорили и посмеивались.

Прилетела ведьма; нюх-нюх по избе:

— Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая! Русь-кость пахнет!

— Вот только заходили старички руки погреть; оставляла, не остались.

Ведьма была голодна, пожурела дочь и опять улетела. Гостя отсиделась в веничке. Скорее принялись дошивать ширинку; и шьют, и поспешают, и сговариваются: как бы уйти от беды; убежать от лихой ведьмы? Не успели

переглянуться, перешепнуться, а она к ним в двери, легка на помине, запопала врасплох:

— Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая! Русь-кость пахнет!

— А вот, матушка, красная девица тебя дожидает.

Красная девица глянула на старуху и обмерла! Перед ней стояла баба-яга костяная нога, нос в потолок врос.

— Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая! Топи печь жарко-жарко!

Наносили дров и дубовых и кленовых, разложили огонь, пламя из печи бьёт.

Ведьма взяла лопату широкую, стала гостью потчевать:

— Садись-ка, красавица, на лопату.

Красавица села. Ведьма двинула её в устье, а она одну ногу кладет в печь, а другую на печь.

— Что ты, девушка, не умеешь сидеть; сядь хорошенько!

Поправилась, села хорошенько; ведьма её в устье, а она одну ногу в печь, а другую под печь. Озлилась ведьма, выхватила её назад.

— Шалишь, шалишь, молодушка! Сиди смирно, вот так; гляди на меня!

Шлёп сама на лопату, вытянула ножки; а девицы поскорей её в печь посадили, заслонками закрыли, колодами завалили, замазали и засмолили, а сами пустились бежать, взяли с собою широкую ширинку, щётку и гребёнку.

Бежали-бежали, глядь назад, а злодейка выдралась, увидала их и посвистывает:

— Гай, гай, гай, вы там-то!

Что делать? Бросили щётку — вырос тростник густой-густой: уж не проползёт. Ведьма распустила когти, прощипала дорожку, нагоняет близко... Куда деваться? Бросили гребёнку — выросла дуброва тёмная-тёмная: муха не пролетит. Ведьма наострила зубы, стала работать; что ни хватит, то дерево с корнем вон! Пошвыривает на все стороны, расчистила дорожку и нагоняет опять... вот близко! Бежали-бежали, а бежать некуда, выбились из сил! Бросили ширинку златошвейную — разлилось море широкое, глубокое, огненное; поднялась ведьма высоко, хотела перелететь, пала в огонь и сгорела.

Остались две девицы, бесприютные голубицы; надо идти, а куда? — не знают. Сели отдохнуть. Вот подошёл к ним человек, спрашивает: кто они? и доложил барину, что в его владеньях сидят не две пташки залётные, а две красавицы намалеванные — одна в одну родством и дородством, бровь в бровь, глаз в глаз; одна из них должна быть ваша сестрица, а которая — угадать нельзя. Пошёл барин поглядеть, зазвал их к себе. Видит — сестра его здесь, слуга не соврал, но которая — ему не узнать; она сердита — не скажется; что делать?

— А вот что, сударь! Налью я бараний пузырь крови, положите его себе под мышку, разговаривайте с гостями, а я подойду и хвачу вас ножом в бок; кровь польётся, сестра объявится!

— Хорошо!

Вздумали — сделали: слуга хватил барина в бок, кровь брызнула, брат упал, сестра кинулась обнимать его, и плачет, и причитывает:

— Милый мой, ненаглядный мой!

А брат вскочил ни горелый, ни болелый, обнял сестру и отдал её за хорошего человека, а сам женился на её подруге, которой и перстенёк пришёлся по ручке, и зажили все припеваючи.